

ПРОБЛЕМА ИДЕНТИФИКАЦИИ МАКРОСОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

С.М. Коба

Сибирский институт управления –
филиал РАНХиГС

koba_sergei@ngs.ru

В статье рассматривается проблема идентификации социальных классов в современном российском обществе исходя из когерентности личностной и социальной, объективной и субъективной идентичностей, предпринята попытка сформулировать и описать идентификационные модели, демонстрирующие формирование структурно детерминированных социально-классовых сред.

Ключевые слова: социальная идентичность, идентификация, классовые среды, средний класс, высший класс, малообеспеченные.

Вопросы идентификации становятся особенно актуальными, причем как в гносиологическом, так и в онтологическом смысле в кризисные переломные периоды в истории стран и народов. В условиях глубокой многовекторной трансформации новой постсоветской России четко обозначилась необходимость социального самоопределения личности.

Под социальной идентичностью, как правило, понимают характеристику индивида с точки зрения его принадлежности к какой-либо социальной общности. При некотором допущении социологи конструируют набор базовых идентичностей современного гражданина России, включающих гражданскую, национальную, конфессиональную, идеологическую и другие идентичности¹. При этом совершенно очевидно, что состав и иерархия базовых идентичностей не являются неизменными величинами, а, наоборот, подвержены изменениям.

К примеру, относительно недавно, буквально пару десятилетий назад, классовая идентичность для многих людей была очевидна, сегодня же однозначного ответа попросту нет. Однако, позволим себе высказать предположение, что при отсутствии ярко выраженной классовой идентификации современное общество демонстрирует устойчивое формирование социально-классовых сред.

Подчеркнем, новая российская идентичность формировалась под воздействием трансформационных процессов, сила и глубина которых сравнима с трансформацией периода Великой Октябрьской революции. Общество в сравнительно короткий срок оказалось в ситуации ценностной, идеологической и мировоззренческой дезориентации. В качестве нормы социальной жизни утверждались незащищенность, нестабильность, недоверие, неуверенность в будущем и т. д. В результате практически каждый человек переживал кризис идентичности или, говоря словами Э. Эриксона, «спутанность идентичности» с той лишь

¹ Козырева П.М. Современная конфигурация идентификаций и роль доверия в ее формировании // Социс. – 2008. – № 8. – С. 29–39.

разницей, что идентификационный выбор приходится осуществлять не только подросткам². Социальным акторам пришлось переходить в новое идентификационное состояние, что связано с переоценкой профессиональных навыков и знаний, перераспределением стиля жизни, неэффективностью устоявшихся ценностных предпочтений. Социальные изменения в российском обществе стимулируют восходящую и нисходящую мобильность, как следствие – трансформируется социальная структура, что приводит к усложнению процесса объективации и легитимации идентичности, возможных только при признании со стороны внешних акторов. Признание идентичности (или идентичностей) в отношении тех или иных социальных субъектов есть признание реальности их существования³. Совершенно очевидно, что признание идентичности (другого) многократно усложнилось в условиях тотальной маргинализации социальной структуры российского общества периода девяностых.

Таким образом, социальная структура и идентичность – конструкты, детерминирующие друг друга, так как «социальные процессы, связанные с формированием и поддержанием идентичности, детерминируются социальной структурой. И наоборот, идентичности, созданные благодаря взаимодействию организма, индивидуального сознания и социальной структуры, реагируют на данную социальную структуру, поддерживая, модифицируя ее»⁴.

² См: Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис: пер. с англ. / общ. ред. и предисл. А.В. Толстых. – М., 1996. – С. 153–180.

³ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания / пер. Е.Д. Руткевич. – М.: Меддум, 1995. – С. 165.

⁴ Там же. – С. 279.

Аналитически в качестве базового сегмента социальной структуры мы предлагаем рассматривать социальный класс, поэтому считаем целесообразным обратиться к проблеме идентификации классов как макросоциальных групп. Данная проблема актуализирована социальными реалиями современной России. Как справедливо заметил В.А. Ядов, Россия сегодня переживает становление новой социальной субъектности⁵, выраженной в поиске набора идентификаций нового типа, способных быть инструментом социальной ориентации личности в обществе.

Зададимся вопросом, является ли классовая идентичность элементом субъективной и объективной реальности в российском обществе? В условиях новой России возникла достаточно парадоксальная ситуация. С одной стороны, по объективным критериям (уровень дохода, имущественное положение) в России идет процесс формирования новых классов. С другой стороны, исходя из субъективных критериев (самоидентификация) социологи регистрируют значительные перекосы, т. е., к примеру, доход респондента может быть крайне низок, но он относит себя к среднему классу, руководствуясь при этом, желанием дистанцироваться от бомжей и нищих, что ни коим образом не способствует объяснению значения и уровня распространения классовой идентичности в обществе. В то же время и при условии самоотождествления («Я – средний класс», «Я – бедный») социологи фиксируют намечающуюся тенденцию, косвенно подтверждающую то обстоятельство, что классовая идентичность в перспекти-

⁵ Ядов В.А. Социальная идентификация в кризисном обществе // Социологический журнал. – 1994. – № 1. – С. 36.

ве, возможно, займет свое место в структуре базовых идентичностей. В пользу этого предположения говорит и тот факт, что в течение последнего десятилетия с 2000 по 2008 год разные исследовательские коллективы, изучавшие проблему социальной идентичности, отмечают достаточно высокий процент респондентов (45...80 %), идентифицируют себя с «людьми того же материального достатка»⁶. Безусловно, это лишь косвенно свидетельствует о движении к классу как к элементу субъективной реальности, но отрицать наличие этого движения сложно. При этом нельзя не отметить, что доход или достаток не является критерием, раскрывающим сущность класса как субъекта общественных отношений. Более того, идентификация актора с социальным классом, как пишет Г.Г. Дилигенский, определяется тем, в какой мере понятие социального класса выступает в качестве социального представления, в рамках которого происходит слияние субъекта и объекта, творческое «конструирование реальности»⁷.

Приняв в качестве механизма идентификации когерентность личностной и социальной, объективной и субъективной идентичностей, рассмотрим специфику идентификационных ориентаций наиболее часто упоминаемых социальных классов.

⁶ Россия – новая социальная реальность: Богатые. Бедные. Средний класс / под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. – М.: Наука, 2004. – С. 77; Оберемко О.А. Представления о социально-классовых различиях у поляков и россиян // Мониторинг общественного мнения. – 2006. – № 3. – С. 129; Российская идентичность в социологическом измерении // ИНАБ ИС РАН, 2008. – № 3. – С. 15.

⁷ См: Дилигенский Г.Г. Люди среднего класса. – М., 2002. – С. 58; Московичи С. Социальная психология. – М., 2007. – С. 140.

Начнем рассмотрение идентификационных моделей социальных классов с анализа идентификационного комплекса «среднего класса», поскольку феномен среднего класса на сегодняшний день – одна из наиболее обсуждаемых проблем в отечественной социологии.

Ситуация, связанная с выделением среднего класса как массового социального субъекта, очень не однозначна. Учеными ИС РАН в ходе изучения среднего класса были обозначены следующие критерии отнесения к среднему классу: 1) уровень образования (минимум среднее специальное); 2) социально-профессиональный статус (нефизический характер труда или предпринимательская деятельность); 3) уровень благосостояния (выше среднего по региону); 4) самооценка человеком своего положения в обществе⁸.

Однако, уровень образования (минимум среднее специальное), сам по себе еще не является гарантией достижения определенного социального или профессионального успеха. Многое зависит от того, насколько эффективно реализовано полученное образование. С этой точки зрения его можно рассматривать как функциональное или дисфункциональное. Если профессионально-квалификационные возможности субъектов, приобретенные в результате полученного образования, адекватны требованиям их производственной деятельности, то само это образование функционально, в противном случае – дисфункционально. Стоит отметить, что представители среднего класса чаще всего (около 70 %) считают полученное образование

⁸ Социальное неравенство в социологическом измерении // Аналитический доклад. – М.: ИС РАН, 2006 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.isras.ru/analytical_report_Social_inequality_8.html

функциональным. Проблема недостаточной эффективности использования полученного респондентами образования часто является результатом несоответствия работы и приобретенной специальности. Не по специальности в настоящее время работает 31 % представителей среднего класса⁹. Выявленная дисфункциональность полученного образования во многом детерминирована глубинной трансформацией российского рынка труда. В этой связи нельзя не отметить особенности отношения среднего класса к работе. «Работа для представителей среднего класса – инструментальная (источник средств) и терминальная (само-реализация) ценность»¹⁰. Это значит, что представители среднего класса в большей степени ориентированы на индивидуальную карьеру, стремятся к самостоятельности и независимости, в то время как другие слои, особенно низший класс, демонстрируют не только ориентацию на коллектив, но и зависимость от него.

Подчеркнем: идеальная работа, с точки зрения среднего класса, во-первых, должна быть хорошо оплачиваемой; во-вторых, интересной; в-третьих, с достаточно высокой степенью автономии труда. По мнению исследователей ИС РАН, самые существенные отличия среднего класса от других макросоциальных групп наблюдаются в профессионально-трудовой сфере. Представители среднего класса чаще других в качестве ин-группы рассматривают профессиональное сообщество¹¹.

⁹ Средний класс в современной России / отв. ред. М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова. – М.: ИС РАН, 2008. – С. 27.

¹⁰ Там же. – С. 28.

¹¹ Городской средний класс в современной России // Аналитический доклад. – М.: ИС РАН, 2006 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.isras.ru/analytical_report_MiddleClass_10.html?&printmode

Кроме этого, характерной чертой среднего класса является самоидентификация по линии успеха. «Самоощущение успешности и солидаризация с себе подобными, желание воспринимать преуспевших в жизни людей как “своих”, как “мы” выступает основой субъективной самоидентификации представителей среднего класса»¹². Вместе с тем важно отметить, что в качестве референтной группы представители среднего класса склонны рассматривать бизнес. При этом доля предпринимателей в структуре среднего класса составляет около 6 %. Другими словами, большинство представителей среднего класса являются носителями профессионального статуса «наемный работник», хотя идентификация с данной категорией затруднена. Следовательно, в практике самоопределения референтная группа среднего класса не совпадает с группой членства. Будучи сами (большинство представителей) наемными работниками, они стараются дистанцироваться от этого статуса. Причины такового видения своего социального самоопределения могут корениться как в неприятии статуса наемных работников, так и в завышенной самооценке, желании идентифицировать себя с более успешными людьми. Хотя в отношении власти и крупного капитала сформировалась преимущественно негативная идентификация (около 70 % ответили «никогда не чувствую близость») с «представителями крупного капитала» и «теми, кто находится у власти»¹³. Вместе с тем самоопределение по линии «с людьми схожего достатка» довольно устойчивое.

Уровень образования (минимум среднее специальное) стимулирует позитивную

¹² Средний класс в современной России / отв. ред. М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова. – М.: ИС РАН, 2008. – С. 36.

¹³ Там же. – С. 40.

динамику социально-профессионального статуса, специфика окружения «люди схожие по взглядам на жизнь» и «схожие по достатку» детерминирует потребительские характеристики (от необходимого к демонстративному потреблению). При этом средний класс в целом демонстрирует аморфное отношение к политике. Следовательно, можно говорить о том, что средний класс обладает реальным социальным ресурсом, функция консолидации реализуется, но политический ресурс, напротив, реализуется только частично.

Далее целесообразно обратиться к социальному слою, который в терминологии Т.И. Заславской называется «базовым», особенно к его социальному ядру. Речь идет о части базового слоя, которая близка и/или идентична «бедным».

Содержательно базовый слой на 50 % совпадает с социальным слоем, который в исследовательской и социальной практике закрепился как «малообеспеченные». Факт содержательного совпадения этих понятий подтверждает комплексное исследование ИС РАН. Во всех исследованиях ИС РАН, посвященных социальной стратификации, выявлялся весьма примечательный социологический факт: доминирующим в количественном отношении в российском обществе оказывался не слой бедных и не средние слои, а тот слой российского населения, который принято именовать малообеспеченным. Различные исследовательские коллективы за последние 7-8 лет, фиксируют численность этого слоя не менее 40 %¹⁴.

Для анализа идентификационного комплекса малообеспеченных обратимся

¹⁴ Малообеспеченные в России: кто они? как живут? к чему стремятся? // Информационно-аналитический бюллетень. – М.: ИС РАН, 2008. – № 5. – С. 5.

к обозначенным выше критериям: 1) уровень образования (низкий, профессиональное образование имеют около 40 %); 2) социально-профессиональный статус (преимущественно физический труд, низкоквалифицированные специалисты); 3) уровень благосостояния (ниже среднего в регионе); 4) самооценка человеком своего положения в обществе.

Проблема получения образования малообеспеченными в условиях современной России принадлежит к числу структурно детерминированных. Для получения профессионального образования (причем любого уровня) приходится не только прилагать усилия, но и расходовать время и деньги. «Все это приводит к тому, что интенсивность накопления человеческого капитала в разных слоях населения оказывается различной. В благополучных слоях населения подавляющее большинство (73 %) имеет профессиональное образование минимум второй ступени. У малообеспеченных их доля меньше, но все же около двух третей этих групп. И лишь у бедных большинство (58 %) не имеет профессионального образования»¹⁵. Это вновь подтверждает выдвинутое нами предположение о существовании структурных ограничений и образовании социально-классовых сред, в которых осуществляется воспроизводство социальных групп. Фактически происходит институционализация уровня образования и как следствие – профессионального статуса.

Однако, как и отмечалось выше, само по себе образование не является гарантией успеха. «Проблема коренится не только среди объективных, но и субъективных причин бедности, на первые места выходят такие составляющие человеческого по-

¹⁵ Там же. – С. 20.

тенциала, как плохое здоровье, низкое общее и профессиональное образование и, как следствие, недостаточная конкурентоспособность на рынке труда, а также социальные патологии, ограничения в трудоспособности». <...> «Для этих групп населения наиболее приемлемой стратегией выживания является использование традиционных связей и отношений, подкрепляемое надеждой на патернализм государства. Рыночные стратегии адаптации им недоступны»¹⁶. Отсюда профессиональный статус малообеспеченных в России. Ученые ИС РАН отмечают, что их типичный профессиональный статус – рабочий низкого квалификационного разряда. Недостаточный заработок стимулирует чувство неудовлетворенности собственным положением, но не мотивирует к активным действиям, большинство малообеспеченных демонстрируют пассивное экономическое поведение, отрицательное отношение к подавляющему большинству аспектов, связанных с богатством и предпринимательством. «Обеспечивающая финансовый успех деятельность трактуется (особенно наиболее «бедной» частью малообеспеченных) как «плохая», «аморальная» и т. д.»¹⁷.

Что касается политической идентичности малообеспеченных, то данная социальная группа традиционно «левых» взглядов, что во многом связано с консервативностью взглядов и обращенности к государству.

Таким образом, идентификационную модель малообеспеченных можно назвать

¹⁶ Беляева Л.А. Социальная стратификация и бедность в регионах России // Социс. – 2006. – № 9. – С. 58.

¹⁷ Розманский И.В. Бедность как часть экономической ментальности субъектов постсоветской экономики в 1990-е годы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ecsocman.edu.ru/iconf/16214588/index.html>

негативно-апатичной, которая, в сущности, продуцирует рост неудовлетворенности и социальной напряженности, отсюда социальный ресурс данной группы значительно ниже групп среднего класса.

Идентификационная модель бедных (без учета социального дна) по ряду критериев идентична модели малообеспеченных, поэтому останавливаться на этой группе нецелесообразно.

Ситуацию с высшим классом относительно изучения его идентификационной модели можно охарактеризовать как сложную, поскольку в целом российский «высший класс» – информационно латентная группа. Следовательно, кроме незначительного уточнения известной формулы «высший класс стоит на вершине общества», осуществляет стратегический контроль над экономикой и политикой, обладает богатством и отличается от других групп особым образом жизни, по существу мало что можем сказать. Еще Р. Миллс, характеризуя сложность определения высшего класса США, отмечал: «чтобы изобразить высший класс страны, нельзя просто сложить вместе высшие общественные слои всех маленьких городов; нельзя просто сложить их правящие клики, чтобы получить всеамериканскую властвующую элиту»¹⁸. Поэтому возможность представить идентификационную модель российского высшего класса призрачна. Хотя позволим себе незначительное допущение, предположив, что функционирование высшего класса, как и других макросоциальных групп, происходит в границах его социально-классовой среды.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что современное российское

¹⁸ Миллс Р. Властвующая элита. – М., 1959. – С. 79.

общество демонстрирует устойчивое формирование идентификационных моделей социальных классов как макросоциальных групп. При отсутствии ярко выраженной классовой идентификации происходит институционализация внутригрупповой солидаризации по различным критериям: уровню образования, профессиональному статусу, отношению к труду, экономическому поведению, доходу и т. д. При этом усиление солидаризации не только объективирует существующий идентификационный набор, но и доказывает существование структурно детерминированных социально-классовых сред.

Литература

- Беляева Л.А. Социальная стратификация и бедность в регионах России // Социс. – 2006. – № 9. – С. 52–60.
- Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания / пер. Е.Д. Руткевич. – М., Медум, 1995. – 323 с.
- Горшков М.К. Богатство и бедность в представлениях россиян // Социс. – 2004. – № 3. – С. 16–21.
- Данилова Е.Н. Идентификационные стратегии: российский выбор // Социс. – 1995. – № 6. – С. 122–124.
- Дилигенский Г.Г. Люди среднего класса. – М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2002.
- Козырева П.М. Современная конфигурация идентификаций и роль доверия в ее формировании // Социс. – 2008. – № 8. – С. 29–39.
- Малообеспеченные в России: кто они? как живут? к чему стремятся? // Информационно-аналитический бюллетень. – М.: ИС РАН, 2008. – № 5. – С. 5–14.
- Милл Р. Властвующая элита: пер. с англ. – М.: Изд-во иностран. лит., 1959. – 543 с.
- Оберемко О.А. Представления о социально-классовых различиях у поляков и россиян // Мониторинг общественного мнения, 2006. – № 3. – С. 129–132.
- Российская идентичность в социологическом измерении // ИНАБ ИС РАН, 2008. – № 3. – 72 с.
- Российская социологическая энциклопедия / Ин-т социал.-полит. исслед. РАН; под общ. ред. Г.В. Осипова. – М., 1998. – 666 с.
- Россия – новая социальная реальность: Богатые. Бедные. Средний класс / под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. – М.: Наука, 2004. – 259 с.
- Средний класс в современной России / отв. ред. М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова. ИС РАН. – 2008. – 320 с.
- Эрикссон Э. Идентичность: юность и кризис / пер. с англ.; общ. ред. и предисл. А.В. Толстых. – М., 1996. – 334 с.
- Ядов В.А. Социальная идентификация в кризисном обществе // Социологический журнал. – 1994. – № 1. – С. 35–52.
- Ядов В.А. Социальные идентификации личности в условиях быстрых социальных перемен // Социальная идентификация личности. – М.: ИС РАН, 1994. – Кн. 2. – С. 267–290.
- Городской средний класс в современной России // Аналитический доклад. – М.: ИС РАН, 2006 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.isras.ru/analytical_report_MiddleClass_10.html?&printmode
- Розмаинский П.В. Бедность как часть экономической ментальности субъектов постсоветской экономики в 1990-е годы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ecsocman.edu.ru/iconf/16214588/index.html>
- Социальное неравенство в социологическом измерении // Аналитический доклад. – М.: ИС РАН, 2006 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.isras.ru/analytical_report_Social_inequality_8.html